

Александр из Дубровно

16 июня 1808 года в семье небогатых шляхтичей Козарских, что имели свой дом на улице Спасской в местечке Дубровно Могилевской губернии, случился двойной праздник. Исполнилось 11 лет их старшему сыну Александру, и в этот же день из далекого Санкт-Петербурга приехал его крестный отец и двоюродный дядя, чиновник морского ведомства Василий Семенович Козарский. Он получил назначение в интендантство Черноморского флота и теперь направлялся в далекий южный город Николаев. По этому поводу был накрыт праздничный стол, за которым сидели дорогой гость и вся его дубровенская родня: управляющий здешним имением князя Любомирского Иван Кузьмич Козарский, его жена Татьяна Гавриловна, именинник Саша, его сестры – 17-летняя Прасковья, 15-летняя Екатерина, 14-летняя Матрена и 8-летний брат Николай. Много было воспоминаний, разговоров о местных и столичных новостях. Настроение за столом было радостное, вот только случайно заметил Саша в маминых глазах печаль и скатившуюся по щеке слезу. В конце застолья обратился к нему отец уже как к взрослому:

- Обучил тебя, сынок, нашей Свято-Никольской церкви настоятель российскому письму и чтению, а ксендз из бернардинского монастыря говорит, что показываешь у него хорошие успехи во французском языке, латыни и математике. Пришла пора выбирать свою дорогу по жизни. Мы, Козарские, хоть и шляхетского рода, но поместья и крепостных не имеем, всего добивались своим трудом, воинской доблестью и верным служением Отечеству. Честное имя,

Саша, - почти единственное, что оставлю тебе в наследство, да еще свое охотничье ружье, а прочее добудешь сам на государевой службе. Посоветовались мы тут и решили, что поедешь с крестным к месту его новой службы, поживешь там некоторое время, а как годами выйдешь – определишься на морскую службу, дядя поможет. Выезжаете завтра, а сейчас будем собирать тебя в дальнюю дорогу....

Утром дорожная коляска Василия Семеновича, запряженная парой добрых рысаков и с кучером на облучке, была готова в дальнейший путь. На дворе собрались все провожающие, из дома напротив пришли соседи и друзья Козарских: управляющий суконной фабрикой Иван Фаленберг, его жена, их старший сын Петр, студент столичного лицея, приехавший на побывку и младший Федя, ровесник и лучший друг Саши. Сбоку сидел и смотрел на мальчика умными глазами Дунай - домашний пёс Казарских. Он один такой во всем Дубровно: ростом по пояс взрослому человеку, шерсть короткая светло-золотая, морда и уши черные. Дунай редко лает, разве только иногда на охоте, на других собак не рычит, а те сами при его появлении, поджав хвосты, разбегаются по дворам. На цепи его Козарские не держат, живет он в овине, дом и хозяйство охраняет бдительно. Грозно выглядит Дунай, но это спокойный, послушный и преданный хозяевам пёс, который любит играть с Сашей и Колей в прятки и догонялки.

После объятий и прощальных поцелуев мать и сестры уже не смогли сдержать слез. Отец, Саша и Коля бодрились, но видно было, как тяжело им дается предстоящая разлука. Открылись ворота, коляска проехала по улице и загрохотала окованными колесами по бревенчатому мостику через речку Дубровенку, впадающую в Днепр. Повернули на Оршанский тракт, дорога пролегла среди пшеничных полей и сенокосных лугов. Вскоре их сменили березовые рощи и дубравы, а затем над коляской высоко вверху сомкнулись ветви огромных елей.

В прошлом году Иван Кузьмич впервые взял с собой Сашу на охоту в эти места. Отцовское ружье двуствольное ружье и тяжелое, но красивое, немецкой работы. Изящный кремниевый замок, что ударом по стальному огниву высекает поджигающие порох искры, на стволах гравировка, ложе из бука украшено бронзовой накладкой. Охота была в тот день удачная. Дунай поднимал в небо птицу – тетерева, куропаток, рябчиков, а отец стрелял – всегда без промаха. Когда возвращались домой, Иван Кузьмич напевал вполголоса

какую-то песню, где припевом в конце каждого куплета были слова «хлопцы, пришел наш час».

- Что это за песня?

- Наша хоругвенная. В молодости служил я, как и мой отец, твой дед, в конной хоругви князей Любомирских. Довелось и с турецкими янычарами и с крымскими татарами в сабельном бою сходитя. Отбивая захваченный нехристями полон, дошли однажды до великой реки Дунай, что течет далеко на юге. Пришло время - женился, дом поставил, и вдруг объявлено про новую войну с турками. Наш князь отправился в Екатеринославскую армию, куда был причислен в генеральском чине, и свою хоругвь, полсотни сабель, с собой взял. Армией же командовал знаменитый князь Потемкин-Таврический, губернатор всей Новороссии. Летом 1788 года осадили наши войска турецкую приморскую крепость Очаков. Обстреливали мы турок из артиллерии, отбивали их вылазки, но вражеский гарнизон сдаваться не собирался. Наступила зима с метелями, стужей и решился тогда Потемкин на штурм. Князь Любомирский при штабе главнокомандующего состоял, на бой не посылался, но дозволил охотникам из своей хоругви в штурме участвовать. Вызвались все во главе с ротмистром, но отобрали только двадцать человек и меня в чине хорунжего во главе поставили. Рано утром 6 декабря пошли на приступ. Мы были в первой колонне генерала Палена вместе со спешенными донскими казаками, егерями и Тамбовским пехотным полком. С фашинами, чтобы ров закидать, и высокими лестницами, бежали к высоким стенам. Турки стреляли по нам из ружей и пушечной картечью, многие погибли, но другие взбирались по лестницам наверх и скоро уже бились на стенах. Помню, в пороховом дыму схватился там сразу с тремя янычарами: одного саблей срубил, от второго увернулся, а третий подскочил сбоку и выстрелил в упор из пистолета... Очнулся нескоро в такой-то большой комнате, где лежали раненые. Лекарь достал у меня из плеча пулю, наложил повязку и рассказал, что Очаков взят в двухчасовом штурме, потери наши велики. Потом пришел ротмистр, принес еду и питье, оставил при мне и еще нескольких раненых из нашей хоругви двух улан для досмотра. Вот лежу я в полузабытье и слышу, что рядом кто-то тихо и жалобно скулит, вроде как малое дите плачет. Подозвал санитаря, и тот достал из-под моей кровати маленького, еще слепого щенка, может двух-трех дней от роду. Попросил напоить его козьим молоком, что раненым принесли, и оставить его при мне. Потом,

когда пошел на поправку, уже сам его кормил. Казаки из нашего лазарета рассказали, что это собака турецкой породы «кангал», что значит «пастушеская», они вырастают большими и сильными, очень преданные, верные и бесстрашные. Назвал я его Дунаем в честь той великой реки. На войне по чужим дворам не грабил, пленным карманы не выворачивал, как иные делали, принес домой лишь свое жалованье по чину, да щенка за пазухой. К военной службе стал уже непригоден, и князь Ксаверий определил меня вначале на статскую службу губернским секретарем, а потом и управляющим своего имени...

Перед выходом на охоту Иван Кузьмич заряжал один ствол дробью на мелкую дичь, и еще брал с собой бумажные картузы с дробью и порохом. Второй же ствол заряжал большой свинцовой пулей.

- Отчего так?

- Это, сынок, предосторожность от зверя хищного и такого же лихого человека. В тот год, когда ты на свет появился, однажды охотились мы с Дунаем верстах в семи от города. Была уже зима, ветреная и малоснежная, Рождество Христово еще не наступило. Дунай учуял горностаю, помчался за ним и загнал на дерево, я иду с ружьем на его лай. Вдруг слышу сзади треск валежника, оборачиваюсь и вижу, что на меня мчится бурый медведь с оскаленной пастью. Их в наших местах немного уже осталось, обычно в начале октября залегают по берлогам в спячку, и выходят уже в апреле. Но в тот год был неурожай на орехи и ягоды, не набрал медведь жира на зимовку, отощавший и голодный, стал «шатуном», опасным для всех. Выстрелил я в него в упор из двух стволов, да оба дробью были заряжены, что она сделает разъяренному зверю? Схватились с ним врукопашную, держу его за горло, а зловонная пасть все ближе.... Но примчался Дунай, вцепился медведю в загривок, тот взревел, головой замотал, а я в этот момент изловчился, выхватил большой поясной нож и вонзил его ему в шею по самую рукоятку! Вот такая вышла охота и с тех пор второй ствол я всегда пулей заряжаю. Нет уже того Дуная, а наш Дунай нынешний – сын его, такой же стати и отваги, не боится не волка, ни медведя. Шкурой «шатуна» наш зимний возок оббит, согревает хорошо...

Следуя по широкому, обсаженному с двух сторон березами «Царьградскому» тракту и ночуя на почтовых станциях, путешественники наконец добрались до учрежденного лет двадцать

назад тем же князем Потемкиным города Николаева при слиянии полноводных рек Ингул и Южный Буг. Здесь находились порт, адмиралтейство и корабельные верфи молодого Черноморского флота России. Подросток из Дубровно, никогда ранее не покидавший своего местечка, был очарован южной красотой местной природы, прозрачным и чистым воздухом, высокими домами и широкими улицами, а главное – приходящими с моря по лиману большими военными и торговыми кораблями. При каменном казенном доме Василия Семеновича был огород с диковинными для белоруса арбузами, сад с виноградом и персиками. Речная вода была здесь, правда, солоноватая, не такая как в Днепре и Дубровенке, зато рыбалка отменная, сети приносили и стерлядь и белугу.

В 1811 году, по достижении 14-летнего возраста, по ходатайству дяди, весьма влиятельного чиновника артиллерийской части Черноморского департамента, Александра приняли на службу волонтером в должности гардемарина флота. Учебу проходил на бригантине «Михаил» и бригае «Панагия», дни были заполнены постижением воинской науки и морской практики на штормовых ветрах и волнах Черного моря. Парусные суда не пароходы, они ходят по законам морских ветров. Есть ход фордевинд, когда ветер дует прямо в корму. Это не очень выгодно для двух и трехмачтовых судов, ведь задние паруса заслоняют ветер от передних. Есть бейдевинд - при встречных (но не лобовых) ветрах он сравним с первым. Есть галфинд, когда ветер дует сбоку, что дает скорость большую, чем при вышеназванных ходах. Наконец, есть бакштаг – в этом случае попутный ветер дует справа или слева от кормы, парусник быстро несется по морю.

Сменившись с вахты, Саша не шел, как другие матросы, после нее поспать и отдохнуть, а с тетрадкой и карандашом слушал наставления какого-либо из офицеров, проводивших занятия с кандидатами на чин гардемарина.

- Курс корабля и местные положения разных предметов видимых с него, например другое судно или маяк на берегу, определяются по компасу тем румбом, на который они направлены. В компасе румбов или черточек, означающих страны света, всего 32. Следовательно, будет и 32 разных курса корабля и 32 разных положения названных предметов. Кроме того, для большей точности каждый румб поделен еще на половины и четверти. Сейчас стрелка компаса показывает зюйд-вест, значит, наша бригантина держит курс на юго-запад. Что

мальцы, не простая наша штурманская наука? Да без нее кораблю никуда, освоите и станете со временем добрыми мореходами!

Другой наставник был в объяснениях краток, а в отношении к ученикам суровее.

- Приказания и донесения передаются с корабля на корабль сигналами, кои делаются разноцветными десятью флагами. За раз на верх мачты поднимаются один, два, три, но не более четырех один над другим. Каждый флаг имеет свой номер, и вместе они составляют число, под которым в сигнальной книге означено то или иное приказание или донесение. Всего этими флагами можно сделать 9999 разных сигналов, и главнейшие из них вахтенный офицер обязан знать наизусть. Как вижу, не все из вас будут к тому способны... Эй, квартирмейстер! Вон тому рыжему дать после занятий пяток розг у мачты, чтобы не крутился на месте, а впредь внимательно науку слушал!

Служба на парусном корабле в те времена была нелегкой и опасной, требовала от каждого члена экипажа умения, сноровки и полного напряжения сил. Однако нет для моряка ничего прекраснее, чем его стройный бриг или фрегат, идущий под всеми парусами, рассекающий форштевнем прозрачную, как хрусталь воду, с гордыми белокрылыми чайками на высоте мачт. В начале 1814 года уроженец Дубровно с отличием сдал все положенные экзамены, получил первый морской офицерский чин мичмана, кортик и назначение вахтенным начальником на бригантину «Десна». Из худенького кареглазого подростка, поначалу сильно тосковавшего о родительском доме, он превратился в стройного русоволосого юношу, которому очень подходил темнозеленый флотский мундир (черным, как сейчас, но станет много позже) с золотыми эполетами.

Получив на службе двухмесячный отпуск, Александр отправился в родные края навестить семью. Стоящее на берегу Днепра местечко сильно пострадало во время войны с Наполеоном, однако красивая усадьба Любомирских и дома на прилегавшей к княжескому парку улице Спасской уцелели. Но как-то непривычно тихо на родном дворе, окна закрыты ставнями, а на входной двери большой висячий замок. Вышел из-за дома старый, совсем дряхлый пес Дунай, обнюхал пришельца, признал хозяина и лег у его ног. Скрипнула калитка, пришла пани Фаленбергова из дома напротив, обняла юношу и заплакала. Рассказала, что Иван Кузьмич умер перед войной с французами, тогда же вышла замуж за помещика и уехала с ним на

Орловщину старшая из сестер Прасковья. Когда летом 1812 года Дубровно заняли вражеские войска, 18-летняя Матрена, спасаясь от насильников, бросилась в реку и утонула. Ее тело нашли день спустя и похоронили рядом с отцом. Екатерина ушла в женский монастырь, Татьяна Гавриловна с младшим сыном Николаем уехали на ее родину в Киевскую губернию. Друг Александра Федор Фаленберг обучается в Смоленском кадетском корпусе, а его старший брат Петр уже подпоручик, воюет сейчас во Франции. Дом, завещанный Екатерине пуст, а ключ от замка Татьяна Гавриловна Фаленбергам на сохранение передала. Только Дунай никуда не уходит со двора, кормит его раз в день служанка. Все ждал хозяина, и вот дождался...

Пошли они вдвоем, офицер и пёс, на погост, молча постояли у двух, еще не успевших почернеть от непогоды, дубовых крестов. В этот же день Александр посетил старого священника в Свято-Никольском храме, заказал панихиду по светлым душам усопших, оставил денег пани Фаленберговой на прокорм Дуная и покинул навсегда Дубровно. На обратном пути заехал в монастырь к сестре, затем к матери и брату на Киевщину. Как было уже договорено с дядей, и с согласия матери взял с собой к месту службы повзрослевшего Николая, который вскоре поступил унтер-офицером в морскую артиллерию.

Самому мичману довелось вначале служить на бригантине «Десна», а затем и на полноводном Дунае, где командовал небольшим парусным судном. Весной 1828 года вспыхнула очередная война между Россией и Турцией. Лейтенант Александр Козарский был тогда уже командиром транспортного судна «Соперник», которое спешно переделали в бомбардирское, установив на нем несколько тяжелых мортир. Флотское начальство высоко ценило опытного, знающего и отважного моряка, отмечая в служебных аттестациях, что он «поведения благородного, в должности усерден и деятелен, имеет особое рвение в трудных походах». Действительно, сохранились воспоминания сослуживцев Александра о том, что он себя чувствовал в море, как дома, а будучи на берегу, занимался самообразованием, читал все доступные книги по навигации, судоходству и артиллерийскому делу. Не было такого уголка на российском побережье Черного моря, который бы он не посещал, знал там все фарватеры и условия швартовки. Покажи лейтенанту любое место на морской карте, и он скажет, какие ветры

дуют там в каждое время года и даже суток, как спасти судно и матросские жизни от внезапно налетевшего свирепого шквала.

«Соперник» активно участвовал в блокаде и взятии турецких приморских крепостей Анапа и Варна, за что Александр Козарский получил очередной чин капитан-лейтенанта и золотую саблю с надписью «За храбрость». Однажды, стоя на рейде Варны, съехал офицер в шлюпке на берег по служебным делам. Там окликнул его по имени пехотный поручик с орденом святого Владимира 4-й степени на мундире. Присмотрелся капитан-лейтенант – да это же Федя Фаленберг, его друг детства из Дубровно! Обнялись товарищи, и зашли в большую палатку следовавшего за армией грека-торговца отметить неожиданную и радостную встречу. Александр рассказал о себе и о брате Николае, Федор – о себе. Служит ротным командиром в Днепровском пехотном полку, участвовал в нескольких сражениях, был ранен. Когда произвели в офицеры, навестил родителей в Дубровно. Узнал от них, что годом ранее приезжал его друг, да скоро уехал. А пёс Дунай после того перестал есть, ушел со двора и нашли его через несколько дней уже мертвым возле могил Ивана Кузьмича и Матрены.

- А что твой брат Николай, наверное, уже полковник?

Помрачнел поручик, и ответил с горечью в голосе:

- Три года назад был подполковник и женился на хорошей девушке. Схватили его и посадили в крепость за то, что знал, но не донес о тайном офицерском обществе, которое желало дать стране конституцию и вывело полки на Сенатскую площадь в Санкт-Петербурге. Осудили брата на 15 лет каторги и отправили в Сибирь, с тех пор нет о нем вестей...

В марте 1829 года Александр Козарский был назначен командиром брига «Меркурий». Это небольшое судно с двумя мачтами, предназначенное для ведения разведки, дозорной и посыльной службы, имело 18 пушек по бортам для ближнего боя, и еще две передвижные, более дальнобойные, стрелявшие с носа и кормы. Экипаж насчитывал 115 человек, большую его часть составляли управлявшиеся с парусами матросы и помогавшие им юнги. Были также канониры (артиллеристы), парусник, плотник, конопатчик, барабанщик и флейтист. На случай безветрия бригу полагались по семь больших вёсел с каждого борта, таким гребли три человека.

Новый командир, показывая пример во всем, при любых погодных условиях тренировал экипаж в постановке и уборке парусов, в меткой

артиллерийской стрельбе, добивался четких и слаженных действий по водяной и пожарной тревоге. При этом строго запретил офицерам и унтерам заниматься рукоприкладством по отношению к матросам, следил за качественным питанием и здоровьем экипажа. Был строг, но справедлив, за что и любим подчиненными.

Между тем война продолжалась. 12 мая 1829 года командующий Черноморским флотом адмирал А. Грейг отправил из своей базы в Сизополе фрегат «Штандарт», бриги «Орфей» и «Меркурий» на разведку к узкому проливу Босфор, соединяющему Черное и Средиземное моря. Ветер был слабый и не попутный, отряд подошел к назначенному месту лишь в ночь на 14-е. На рассвете дежурные «марсовые» (марс – площадка на верху мачты для работы с парусами и наблюдения) на русских судах заметили приближавшуюся с юго-запада, от Анатолийского побережья, турецкую эскадру в четырнадцать вымпелов. Силы были слишком неравны, и командир отряда капитан-лейтенант Павел Сахновский поднял на фрегате флажный сигнал для бригав: «Идти в Сизополь курсом, при котором судно имеет наибольший ход». Русские парусники повернули на северо-запад, взяв разный курс к Сизополю, чтобы турки тоже разделили свои силы в случае погони. И она последовала, вслед уходившим русским судам бросились два самых больших турецких линейных корабля.

Солнце на безоблачном небе пригревало, день обещал быть ясным и маловетренным. Постепенно расходящиеся и удаляющиеся в море «Штандарт» и «Орфей» к десяти часам утра уже смотрелись с менее быстрого и заметно отстававшего от них «Меркурия» как темные пятна с белыми куполами парусов. А догонявшие бриг два турецких корабля заметно приблизились, их можно было уже опознать по числу мачт и пушечных палуб, выделенных белыми полосами на красных бортах. Это адмиральский 110-пушечный «Селимие» и контр-адмиральский 74-пушечный «Реал-бей». Командир «Меркурия» опустил подзорную трубу, и ничто не шевельнулось на его обветренном лице. Да, так однажды, даже в расцвете жизни, приходит смерть. Но он к ней готов, и звучит в душе отцовская песня: «Хлопцы, пришел наш час!». Обернувшись к стоящему позади вестовому, капитан-лейтенант распорядился:

- Всех офицеров на ют!

Через пару минут они уже стояли перед ним: лейтенант, вахтенный начальник Сергей Скарятин, опытный моряк, крепко

скроенный, всегда невозмутимый, 29 лет; лейтенант, артиллерист Федор Новосельский, рослый и уверенный в себе, 21 год; мичман Дмитрий Притупов, недавний выпускник морского кадетского корпуса в щегольском мундире дорогого сукна, 20 лет; поручик корпуса флотских штурманов Иван Прокофьев, невысокий, коренастый, с уже поседевшими висками, 34 года.

- Господа офицеры! Если ветер совсем не стихнет, часа через 2-3 враг выйдет на дистанцию стрельбы и откроет огонь, которому по дальности и мощности ответить равноценно не сможем. Хватит и одного попадания в корпус брига у ватерлинии ядра их 36-фунтовой пушки, не говоря уже про громадные мраморные ядра, чтобы отправить нас ко дну. Только умелое маневрирование и меткая стрельба с близкого расстояния позволят нам продержаться в этом неравном бою подольше, а если турки пойдут на abordаж, то можно и подорвать их вместе с собой. По давней морской традиции прошу всех Вас по старшинству в чинах высказать свое мнение. Вам слово, поручик Прокофьев!

- Господа, боя нам уже не избежать, разве только настанет полный штиль и продержится до вечера, тогда сможем оторваться от них на веслах. А не случится такого, то будем биться с басурманами, и если сможем, то сцепимся с одним из кораблей и взорвем крюйт-камеру, как сделал это славный капитан Сакен!

Остальные офицеры единодушно и без колебаний поддержали поручика. Все хорошо знали о случившемся в далеком 1787 году подвиге командира дубель-шлюпки (15-пушечного парусно-гребного судна) капитана 2 ранга Х.И. Сакена, который в неравном бою с четырьмя попытавшимися взять его на abordаж турецкими галерами взорвал свое судно и противника.

Итог совещания подвел командир, и теперь его голос звучал уже как бы теплее и душевнее:

- С Божьей помощью так и учиним. Вам, Сергей Иосифович, надлежит заниматься парусами, Вы же и смените меня, коль погибну раньше. Федору Михайловичу поручается артиллерия; заделкой пробоин и тушением пожаров займется Дмитрий Петрович; Иван Петрович будет руководить стрелками и abordажной партией. Сам же буду при штурвале обеспечивать маневр брига. И еще, господа офицеры: на шпигеле у люка в крюйт-камеру будет положен заряженный пистолет, с помощью которого, как условились,

последний из нас, оставшийся в живых, взорвет судно. Сейчас соберем весь экипаж для разговора.

На палубе ударил барабан, заиграла флейта, а вахтенные зычными голосами разнесли по бригам команду:

- Общее построение на шканцах, правый борт!

Шканцами на парусниках называли честь верхней палубы с кормы до середины судна, где в море на правой стороне обычно находились командир и вахтенный офицер, а команде зачитывали приказы и распоряжения командования. Капитан-лейтенант не спеша прошел вдоль стоя, вглядываясь в лица своих бойцов. На правом фланге степенные квартирмейстеры Прокофий Васильев, Семен Егоров, Игнат Конивченко, Степан Крутяков и Ермолай Петров. Вот артиллерийский старший унтер-офицер Илья Есипов, бомбардиры и канониры Петр Ефимов, Трофим Карнеев, Михайло Семенов, Фома Тимофеев, Василий Кабанов, Иван Ковалев, Иван Лисенко, Карп Пишегин, Лев Спиридонов, За ними – основа экипажа матросы первой статьи Тимофей Аникин, Егор Иванов, Данило Овсяников и другие, люди в расцвете лет, отважные и надежные. Дальше в строю их молодые помощники и смена, матросы второй статьи Иван Гусев, Михаил Романовский, Андрей Токарев и прочие. Наконец, на левом фланге юнги, подростки 15-16 лет Анисим Вахленко, Антон Мелентьев, Антип Щербаков, всего их более трети экипажа.

Вернувшись к центру строя, капитан-лейтенант обратился в этот раз к подчиненным не по уставу, а как к равным.

- Матросы, братья мои! Отечество забрало вас из семей, кормило, одевало, учило воинскому ремеслу, надеется на вас и верит, что все будут верны священной присяге и нашему государю императору! «Штандарт» и «Орфей» ушли от погони и еще слышны время от времени их холостые пушечные залпы, сообщение другим нашим кораблям в море о месте турецкого флота. Сами видите, что неприятель настигает нас и скоро откроет огонь. Я, ваш командир и офицеры уверены, что никто из команды не пожелает спустить перед врагом славный Андреевский флаг в обмен на турецкое рабство. Пришел наш час и пусть каждый исполнит свой долг!

Моряки, отлично понимавшие, что им суждено принять сейчас смертельный бой с врагом, ответили на слова командира громким «Ура!». Малодушных на брига не оказалось, все единодушно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге. Суровое лицо командира озарила легкая улыбка:

- Не ждал другого ответа!

Из строя от старослужащих прозвучала просьба:

- Дозвольте, Ваше благородие, нам одеться во все чистое к бою, да помолиться перед образом Николая-чудотворца.

Капитан-лейтенант распорядился вахтенному офицеру:

- Отправьте людей в кубрик посменно переодеться в мундиры, Старшему унтер-офицеру Есипову и его канонирам ко мне!

Послав лейтенанта Новосельского приготовить к бою пороховую крьюит-камеру, проверить орудия, пополнить боезапас при них, командир обратился к своим артиллеристам.

- На вас и других людей, что будут при пушках, главная надежда моя и всего экипажа. Что бриг против двух линейных кораблей, каждый из которых сильнее нас раз в десять? Когда вплотную сойдемся, поможет лишь быстрый маневр, да на меткий огонь по самым уязвимым местам их снастей, чтобы хода лишить. Нужно также бить по бушпритам и вантам. Бушприт на носу есть основа всей корабельной оснастки, к нему и прочие мачты крепятся. Коль удастся нашим ядром или книпелем перебить штаги, смоленые канаты, которыми сама бушпритова мачта к корпусу крепится, то и прочие мачты зашатаются. Еще надо хорошенько целится в руслени, площадки за бортами, на которые крепятся ванты, удерживающие главные мачты. Цель маленькая, попасть сложно, но коль удастся, то мачта наклонится, а то и упадет. И матросам, что будут с вами при орудиях, разъясните, по примеру: если лопнет гуж или супонь у лошадиного хомута, то вся упряжка расстроится! Сами знаете, что лучшие турецкие корабли с опытными экипажами сгорели и потонули в прошлогодней Наваринской битве у берегов Греции, а на этих, как сказывают перебежчики, капудан-паша людей на базарах собирал. Они вам не ровня. Что скажете?

- Не подведем Ваше благородие, дадим жару нехристям!

После одиннадцати часов дня, когда испарения нагретого солнцем верхнего слоя воды подняли дувший на море легкий ветерок выше, паруса «Меркурия» совсем обвисли. То же произошло и нижними парусами турецких кораблей, но благодаря своим верхним парусам на высоких мачтах хода они не потеряли. Прохаживавшийся на верхней палубе «Селемие» капудан-паша (титул командующего флотом) Ахмед-паша, крепкий старик в украшенной бриллиантом чалме и расшитом золотом парчовом халате, довольно погладил бороду и заявил следовавшим за ним офицерам:

- Из больших пушек не стрелять, будет достаточно нескольких предупредительных выстрелов по парусам русского брига, и просигнальте об этом на «Реал-бей». Скоро мы его настигнем и заставим спустить флаг. Еще до вечернего намаза приведем в Босфор под окна дворца нашего великого султана, да продлит Аллах его дни и дарует новые победы. А скованных цепями гяуров завтра проведем по улицам столицы, чтобы правоверные увидели всю силу нашего могучего флота!

«Низовой» ветер не возвращался, бриг почти не двигался, а турецкие корабли приближались. Уже были видны развивающиеся на их брам-стенгах огромные красные флаги с белыми лунами в центре и золоченые львиные морды на носах-форштевнях. Собрав в холщовый мешок, утяжеленный трехфунтовым чугунным ядром, секретные бумаги и сигнальные книги, командир и штурманский кондуктор Сильвестр Дмитриев бросили его за борт. В висевшем за кормой и мешавшем ведению огня большом яле было прорублено днище, он тоже был сброшен в море. Затем, после флейты и барабана, прозвучала команда:

- Разобрать ростры, людей на весла!

Большие весла хранились вместе с запасным деревянным рангоутом на специальном решетчатом настиле у бортов, именуемом рострами. Хорошо натренированные моряки быстро разобрали большие весла, вставили их в специальные уключины между пушечными портами, и стоя, втроем на одно весло, по команде Козарского стали дружно грести. Бриг сдвинулся с места, понемногу набирая ход. Так продолжалось примерно полтора часа, но к 14.30 флагманский турецкий корабль «Селемие», приблизившись к «Меркурию» на расстояние выстрела своих носовых 12-фунтовых пушек, открыл огонь. Выучка турецких канониров была гораздо ниже, чем русских, и первые ядра легли с недолетом и перелетом. Командир, стоя на корме у двух перетянутых сюда с носа корабля дальнобойных орудий, спокойно выжидал, когда «Селимие» сам войдет в зону поражения. Заметив направленные на него напряженные взгляды матросов, показал рукой на вражеский корабль и сказал весело:

- Вот, везут для вас, ребята Георгиевские кресты, неплохо бы поблагодарить за это... Оба орудия – огонь!

Русские канониры уже с первого залпа добились прямого попадания. Однако и враг пороха не жалел, залп следовал за залпом,

и через некоторое время несколько ядер прошили верхние паруса «Меркурия». Гром пушечной канонады разносился далеко по спокойному и безмолвному морю, маленький бриг и огромные турецкие корабли окутались белыми, медленно возносящимися к ясному небу клубами порохового дыма. Около трех часов дня турецкое ядро прошило оба борта «Меркурия» положив на месте трех гребцов и повредив одну пушку. Палуба брига покрылась кровью, но смятения не было, лишь прозвучала громкая команда Козарского:

- Греблю прекратить, убитых убрать!

Заметив, что «Селемие» стал поворачивать в сторону, чтобы дать бортовой залп по бригу, командир сумел быстрым маневром от него уклониться и сам дал полный залп правым бортом по противнику. Спустя некоторое время на близкое расстояние к левому борту «Меркурия» подошел и «Реал-бей». Маленький бриг оказался зажатым между двумя мощными врагами. Под градом картечи, ядер и зажигательных снарядов он продолжал успешно уклоняться от смертельных продольных бортовых турецких залпов, поворачиваясь к врагу кормой.

На верхних палубах уже толпились размахивавшие саблями и пистолетами турецкие абордажные команды, а с бушприта адмиральского корабля один из офицеров громко закричал по-русски: «Сдавайся, убирай паруса!». Однако мачты «Меркурия» были еще целы, серьезных повреждений в такелаже и корпусе не имелось, возникавшие пожары быстро гасились. Пока турецкие артиллеристы медленно перезаряжали и с трудом наводили свои орудия, русские пушки неустанно били с обоих бортов, а забравшиеся на снасти стрелки осыпали турок градом пуль, выбивая в первую очередь офицеров. Не выдержав их огня, бросая убитых, абордажные команды скатились с палуб в трюмы, а турецкие капитаны отвели свои корабли на более безопасное расстояние.

Орудия гремели уже почти три часа, когда метко пущенный канониром Иваном Лисенко книпель (два ядра связанные цепью) перебил ватер-штаги (снасти стягивающие бушприт, носовую наклонную мачту) на «Селемие», вынудив адмиральский корабль выйти из боя и заняться срочным ремонтом. Зато «Реал-бей», пристрелявшись, дал по «Меркурию» залп, разом превративший часть парусов брига в дырявые лохмотья. Посчитав врага уже почти побежденным, турецкий контр-адмирал вновь вывел на палубу абордажную команду, приблизился к бригу, и получил в ответ меткий

и убийственный залп в упор уже по своим мачтам. Одно из ядер расщепило на «Реал-бее» грот-руслень (площадка с внешней стороны борта, к которой крепятся снасти, удерживающие грот-мачту, самую высокую на корабле), отчего груды парусов рухнули на палубу и борт, закрывая собой пушечные порты. В 17.30 и второй вражеский корабль лег в дрейф для спешной починки снастей.

Наблюдавший издали в подзорную трубу за ходом боя Ахмет-паша, тоже осведомленный про давний подвиг русского капитана Сакена, осознал, что этот бесстрашный русский бриг вполне может его повторить, подняв вместе с собой взрывом на небеса и его контр-адмиральский корабль. Тогда вместо ожидаемых наград капудан-пашу посетит султанский палач с шелковым шнурком-удавкой. Пожалуй, не стоит рисковать абордажем, и тратить дорогие мраморные ядра, чтобы потопить этот маленький упрямый бриг, он еще до ночи сам пойдет на дно от полученных повреждений...

- Передайте на «Реал-бей» сигнал о выходе из боя, мы возвращаемся в Босфор, на стоянку в Буюк-дере!

Отбившись в жестоком трехчасовом бою от двух вражеских линейных кораблей, чего еще не бывало в истории морских баталий, «Меркурий» вошел в полосу вечернего тумана и скрылся от противника. На следующее утро барабанщик и флейтист опять вызвали экипаж на верхнюю палубу. Там на принесенных из трюма широких досках лежали четыре бездыханных тела, зашнурованные в свои парусиновые койки, к их ногам были привязаны чугунные ядра. Выстроился караул с заряженными ружьями, погибших накрыли полотнищами Андреевских флагов. Командир с окровавленной повязкой на голове, прочел из книги вечную память. Доски поставили одним концом на планширь (деревянный брус, идущий поперек борта), раздался ружейный залп, и Черное море навсегда поглотило останки честно погибших за Отечество российских матросов. Еще шестеро серьезно раненых находились в судовом лазарете.

Затем на виду израненного брига вновь показались многочисленные паруса, но это уже была спешившая ему на выручку русская эскадра. По приходу в Сизополь в корпусе «Меркурия» насчитали 22 пробоины, еще 133 пробоины в парусах, 164 повреждения в рангоуте и такелаже. Были разбиты все корабельные шлюпки, повреждено одно орудие. После ремонта бриг еще почти три десятилетия нес флотскую боевую службу.

В конце мая 1829 года начальник походной императорской канцелярии генерал-майор В.Ф. Адлерберг положил на рабочий стол Николая I подробный рапорт об этом небывалом в истории морских сражений событии. Царь был в полном восторге и тут же принял решение щедро наградить героев:

- Владимир Федорович, подготовь мой указ о пожаловании «Меркурию» Георгиевского флага, производстве его командира в чин капитана 2 ранга и причислении героя в мою свиту флигель-адъютантом. Других офицеров брига тоже произвести в следующие чины. Сверх того, командира и штурмана наградить орденами Святого Георгия 4 класса, других офицеров – орденами Святого Владимира 4 степени. Повелеваю также внести в их дворянские гербы пистолет, как орудие, избранное ими для взрыва судна при крайности. И еще всем офицерам и нижним чинам брига дать в пожизненный пенсион двойное жалованье по их нынешнему окладу!

Возвращая бумаги со своими пометками на полях начальнику канцелярии, император поинтересовался:

- Эти Козарский и Новосельский не будут ли какими дальними родственниками генералу Казаринову и графу Новосильцеву?

- Непременно выясню, Ваше Величество!

Адлерберг, сын воспитательницы Николая I и его друг детства, умел предугадывать желания владыки. Наверное, поэтому при оформлении наградных документов в фамилии командира брига букву «о» заменили на букву «а», и стал отныне он уже Казарским. Царский указ – закон, отчего Казарским стали писать и его младшего брата Николая. А лейтенант Новосельский с тех пор стал Новосильским, и впоследствии прославил в адмиральском чине уже эту фамилию.

Удостоив Казарского личной беседы, император, впечатленный не только его отвагой, но также умом, знанием службы и гвардейской выправкой офицера, перевел его с Черноморского флота в столицу. По личным указаниям царя Александр Иванович выполнял важные и ответственные поручения государственной важности, отдавая службе все силы и время, даже семьи к 35 годам так и не завел. Он был широко известен не только на флоте, но и во всей стране, пользовался огромным уважением людей разных сословий. Великий поэт Александр Пушкин, встретившись с героем в Санкт-Петербурге, назвал его в своем личном дневнике «блистательным Казарским». Жизни обоих была яркими, и закончилась трагически. В декабре 1832 года напитана 1-го ранга Александра Казарского отправили на

Черноморский флот для подготовки к выходу в море эскадры в помощь союзной в тот момент Турции, где вспыхнул мятеж. Пробыв несколько месяцев в Севастополе и Одессе, он поехал в Николаев, угодив по дороге под сильный дождь со шквалистым ветром. Такое случилось с ним множество раз в морских походах и не имело последствий. Однако на этот раз железный организм моряка дал сбой, 9 июня он серьезно занемог. В Николаеве его осмотрел флотский лекарь, определивший, что у больного «воспаление груди и ревматическая горячка». Ныне эту болезнь именуют пневмония, лечить ее тогда не умели, да и лекарств хороших не было. С каждым днем Казарскому становилось все хуже, он впал в забытие. 16 июня, в самый день рождения Александра Ивановича, около пяти часов пополудни склонившийся над умирающим денщик Петр Борисов услышал слабый шелест его последних слов:

- Море... Дунай... Хлопцы, пришел наш час...

Через два дня, после отпевания героя в Адмиралтейском соборе Николаева, за траурным катафалком к погосту двинулись служившие в Николаеве адмиралы, офицеры, матросы и огромная толпа горожан. Многие женщины плакали, да и некоторые суровые воины украдкой смахивали рукавом набежавшую слезу. Пошли слухи, а затем и разговоры, дошедшие до Санкт-Петербурга о том, что приехавшего с ревизией неподкупного флигель-адъютанта отравили здешние казнокрады. По личному распоряжению царя жандармы провели следствие, ничего, однако, не давшее. Так внезапно, в расцвете сил и талантов оборвалась жизнь этого замечательного человека, но память о нем не умерла. В 1839 году на Мичманском (ныне Матросском) бульваре Севастополя появился первый в городе памятник, средства на который по добровольной подписке собрали черноморские и балтийские моряки. На его постаменте выбита надпись «Казарскому. Потомству в пример».

Многие известные художники-маринисты, в том числе Иван Айвазовский, запечатлели подвиг «Меркурия» на своих полотнах, его прославляли в книгах и песнях. Уже в наше время в центре города Дубровно в память о прославленном земляке установили большой гранитный валун с мемориальной доской.